

Михаил Афинянин

г. Штарнберг, Германия

Рассказы аргонавтов. Орфей

(Отрывок из позднеантичного романа)

За три дня, прошедших после исчезновения Ида, Арго ушёл ещё дальше на восток. Ни людей, ни каких-либо следов их присутствия на берегу аргонавты не замечали. Предположить, что ещё в трёх днях пути лежит большая и многолюдная страна Колхида, было практически невозможно. Поскольку уже вторую неделю Геракл с товарищами двигались с остановками только на ночлег, было решено поставить палатки и задержаться на этом месте подольше. Своими рассказами по вечерам друзей занимали то Полидевк, поведавший о своих подвигах кулачного бойца, то Анкей, то Навплий. Рассказа Навплия все ждали с нетерпением. Он очень много знал о далёких восточных странах.

В последнюю ночь желающих что-либо рассказать не было. По непонятной причине всех охватило какое-то странное уныние. Аргонавты пробовали улечься спать, но лишь только кто-то из них впадал в забытьё, как начинал слышать ужасный нечеловеческий стон. Этот стон был знаком Гераклу, потому что напоминал о страданиях прикованного к скале где-то за жутким, кро-

вавым аидовым морем Прометея. Он был рядом и почему-то хотел напомнить о себе. В результате у ещё непотухшего костра собрались почти все аргонавты, охваченные помимо уныния теперь ещё и тревогой. Только немногие оставались в палатках.

Среди этих немногих был и Орфей. Он был единственным, кто не пытался заглушить в себе стон титана. В его голосе он тоже улавливал знакомые нотки. Страх и благоговение охватывали его. Он никак не мог поверить, что снова встретился с ним. Картина былой жизни встала перед ним с живостью едва минувшего дня. Окончательно преисполнившись уверенности, кифаред, наконец, тоже вышел к костру.

– Я вспомнил! – настороженно объявил он друзьям, едва обувшись.

– Кого? – нервно спросил не находивший себе места Геракл.

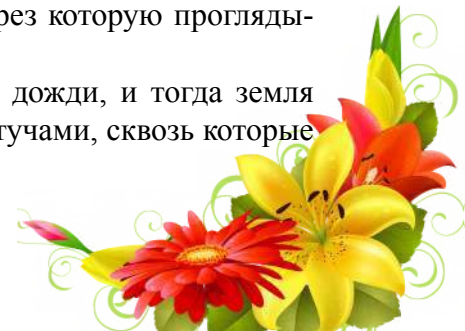
– Его! Того, который стонет... И ты его тоже знаешь.

– Я знаю его, это правда. Мне показывала его Афина. А вот откуда тебе его знать?

– Мне? Меряться с тобой, Геракл, в близости к бессмертным я не буду, но то, что мне доподлинно известно, с радостью расскажу. Я давно подозревал, что жил уже однажды, до того, как родился в бистонском царском доме, и вот этой ночью, услышав страшный стон Прометея, я вспомнил из прошлой жизни, быть может, не всё, но главное – точно. Это как если бы лежавшие до сих пор россыпью черепки вдруг соединились в единый сосуд.

Я не могу ни с какой долей достоверности установить, когда или даже где это было. Народ, к которому я принадлежал, жил на вершинах высоченных гор, над облаками. Я помню вид из собственного дома. По нашим меркам, он не представлял из себя ничего особенного – подобное, с небольшими отличиями видели из своих окон все. Вдалеке красовались высокие, плавно закруглённые белые пики. Земля была подёрнута дымкой, через которую проглядывали леса и реки.

Часто внизу шли дожди, и тогда земля была скрыта от нас тучами, сквозь которые

мы видели грозовые всполохи. Поэтому, Геракл, я согласен с тобой в том, что мечет молнии вовсе не Зевс и что, вероятнее всего, это вообще не дело богов. А вот что с полным правом можно отнести к божественным явлениям, так это вспышки, которые мы видели над облаками. Появлялись они тоже во время грозы, далеко не при каждой молнии, но всё же, долго наблюдая, их можно было заметить. Их можно было видеть то высоко над облаком, то прямо над ним. Некоторые из них были синего цвета, некоторые красного. У нас говорили, что так общаются небо с землёй. Так ли это или нет, я не знаю, и происходит ли такое в наших с вами небесах, тоже не имею понятия... У нас же небо оставалось почти всё время чистым. Только на несколько дней зимой облака окутывали вершину, и тогда выпадал снег глубиной вдвое больше человеческого роста. Это может на первый взгляд показаться страшным бедствием, но мы были к нему всегда готовы. Ведь с нашей высоты надвигающиеся тучи были видны за два дня.

Именно для того, чтобы противостоять снегопадам, мы не строили домов с плоскими крышами, а жили в заострённых кверху высоких и толстостенных каменных башнях. Двери наших жилищ мы помещали на такой высоте, чтобы после снегопада можно было беспрепятственно выйти. Для передвижения по снегу каждый имел две тонкие и гладко отполированные доски, которые мы прикрепляли к ногам и на которых можно скользить без боязни провалиться. В руках мы держали длинные шесты, которыми отталкивались от снега. Это позволяло в ровных местах двигаться очень и очень быстро, намного быстрее, чем пешком.

Некоторые из нас любили снег даже больше тёплого лета, но, к сожалению для них, на нашей высоте он не лежал дольше нескольких недель. А вот на вершине под действием солнечного света и ночного холода снег сплавлялся в единое целое с вековым ледником, который, в свою очередь, питал нас талой водой. Никаких хранилищ, цистерн для воды у нас не было. Эту воду

мы пили, ею же орошали круглый год поля и луга, поили наших животных.

С нами жили похожие на волов звери. На них мы пахали, мы питались их мясом и пили их молоко, шкуры пускали на ремни и одежду. Словом, всё, как у всех известных нам народов. Животные поменьше были чем-то вроде овец. Без их шерсти мы не смогли бы перенести даже немногие зимние снегопады, не смогли бы ежедневно подниматься на вершину, чтобы служить нашему солнечному богу. Мне рассказывали, что зверей привели когда-то наши предки снизу, с земли.

С землёй у нас были вообще особые отношения. Дорог на ней мы не строили, поэтому путешествовать по ней на большие расстояния было намного сложнее, чем ходить по морю. Иногда всё же это приходилось делать, чтобы попасть на соседнюю гору к таким же, как мы... людям, скажу я, хотя людьми, какими они вам всем известны, мы, конечно же, не были, несмотря на то, что каждый имел по две руки, две ноги, туловище с мощным торсом и покрытую волосами голову на плечах. Черты лица, насколько я их помню, были вполне человеческие. Ты, Геракл, называл Прометея титаном. Такого слова я вспомнить не могу, но вслед тебе буду именовать наш народ титанами.

Так вот, самое главное отличие нас, титанов, – Орфей показал пальцем на себя, а потом обвёл рукой слушавших его аргонатов, – от нас, людей, состоит в том, что среди первых не было ни мужчин, ни женщин, не было ничего похожего на известную людям любовь. Она не имела смысла, потому что род воспроизводился у нас совсем иным образом. Своей смертью умирали мы всегда по осени. У трупа срезали локон волос, клали в маленький прозрачный коробок и вместе с вещами умершего помещали в Мнемосине, особой башне, башне памяти. Сами тела мы относили вниз и клали где придётся, на открытом месте. Земля без нашего участия поглощала их. Весной неподалёку от подобных, если так можно выразиться, захоронений появлялись покрытые цветами кочки. Чаще всего такая

кочка была одна, иногда – две, совсем редко – три. Из них, из этих кочек, появлялись на свет наши дети. Прodelав себе путь наружу, они с радостным криком бежали наверх в наши распротёртые объятия, будто уже знали нас. Для поселения это был настоящий праздник. Вот поэтому-то землю мы почитали наравне с солнцем важнейшим божеством. Говорили, что душа доброго титана после смерти возвращалась к нам сама и иногда приводила с собой ещё одну-две новые души. Душу же титана негодного и злого земля не могла удержать, и та проваливалась в некоторое подобие Аида. Да-да, были и такие трупы, которые не давали по весне кочек. Впрочем, случались и неожиданности: те, кого при жизни считали преступниками, умерев осенью, приносили потомство весной. Это всё я, друзья, к тому, что к любому людскому суду относиться нужно с известной осторожностью...

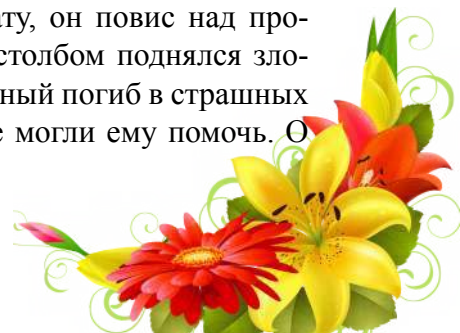
Теперь, собственно, о Прометее. Он был у нас жрецом солнца, и каждый день, вооружившись ледорубом и обув тяжёлые деревянные сандалии с медными шипами, совершал восхождение на самую вершину, где возносил солнцу молитву за весь наш народ. Это не было его нововведением – то же самое делал и его предшественник, и предшественник его предшественника, и многие-многие поколения жрецов. В Мнемосине можно было видеть многие сотни медных ледорубов с позеленевшими от времени топоричами. Путь к вершине был проложен давно. На всём его протяжении в лёд были вбиты длинные шесты, которые вновь выпавший снег никогда не накрывал. К шестам были привязаны канаты, облегчавшие подъем, особенно на крутых участках. К вечеру Прометей возвращался в поселение и говорил с народом. Его уважали за взвешенность советов, за его нестремление к власти, неподдельное бескорыстие, и потому приглашали на любые собрания. С Прометеем вместе на вершину поднимался и узкий круг посвящённых, от силы десять других титанов. Повзрослев, к числу этих немногих примкнул и я. Оттого-то мне, наверное, каждый раз доставляет неимо-

верную радость восхождение на Саонскую гору, особенно весной, пока на ней ещё лежит снег...

Я дал вам, друзья, представление о жизни племени титанов. Но с какого-то времени – мне было, наверное, немного за двадцать, когда об этом пошли первые разговоры, – основания нашей жизни пошатнулись. Первым тревогу забил Прометей. Он заметил, что ледник стал гораздо сильнее убывать зимой. Причём убывал он не равномерно, а местами – неожиданно в нём появлялись глубокие проталины до самой скалы. В них стояла вода, но пока, правда, эти проталины затягивались в течение нескольких ночей. Стало ясно, что гора греется изнутри. Я помню день, когда к нам пришли титаны с другой вершины и рассказывали то же самое. Первая волна тревоги прокатилась тогда по нашему поселению. Стали поговаривать о том, что нужно строить большие цистерны, чтобы сберегать воду. Но эти разговоры так и остались разговорами. Прикинув темпы убыли ледника, пришли к выводу, что до полного его исчезновения должно пройти не меньше полусотни лет, на чём и успокоились. За это время, думали мы, ситуация может измениться.

Я часто видел во сне, будто смотрю с корабля на Саонскую гору и она охвачена огнём. Теперь я понимаю, что так сквозь повседневные заботы пробивалось воспоминание о жизни среди титанов...

Вернёмся же к тем событиям. То, что наблюдал Прометей, на деле оказалось лишь первым сигналом грядущего бедствия. Следующий сигнал поступил к нам, наверное, ещё лет через двадцать. Я к тому времени давно был одним из посвящённых Прометей. Сам Прометей был уже стар, но все ещё в достаточной силе для того, чтобы ежедневно подниматься на вершину. И вот однажды, во время одного из восхождений, случилось страшное: лёд под одним из посвящённых вдруг неожиданно проломился. Привязанный к канату, он повис над пропастью, из которой столбом поднялся зловонный пар. Несчастный погиб в страшных муках. Мы ничем не могли ему помочь. О

продолжении пути не могло быть и речи. Прометей принял решение спуститься к границе ледника и там совершить положенную ежедневную солнечную молитву. Проторенный веками путь на вершину был с этого времени заброшен и уже никогда не возобновлён.

Через несколько дней после этого происшествия ручьи, по которым к нам текла вода с ледника, стали переполняться. Одновременно, как заметили земледельцы, почва вдруг стала сохнуть настолько быстро, что они не успевали её орошать. Чтобы спасти урожай, наспех принялись за рытьё каналов. Воды ещё было в достатке, но все уже понимали, что она может начать иссякать. Тогда вернулись к идее постройки цистерн. Однако выбивать их в скалах было нелегко. К тому же чем глубже были хранилища, тем теплее была в них вода. Холодная вода ценилась буквально на вес золота.

После того, как следующей зимой ни на вершине, ни тем более в нашем поселении не выпало ни одной снежинки, Прометей собрал у нас на горе общий сход представителей титанов со всех известных нам вершин. Несмотря на тяжелейшие условия, мы приняли несколько сотен гостей. Первым выступил Прометей и сказал, что по его ощущению племени титанов пришло время уйти в небеса. Он предлагал продолжать жить по-прежнему, лишь умеривая свои потребности. Это служило, по его словам, залогом того, что солнечный бог заберёт каждого из нас к себе на небо. Все, на первый взгляд, соглашались с Прометеем, но тут... слово взял совершенно незнакомый мне титан с какой-то далёкой горы, жрец земли. Он говорил живо и убедительно вот в каком духе: до сих пор, мол, для души были открыты два пути, один – в небо, а другой – в Аид, но нам, говорил он, предстоит освоить третий путь, путь земли. Что же он предлагал делать? Да, говорил он, в горах нам не хватает воды – горы восстали против нас и заслонили нам путь в небо, но, с другой стороны, упасть в Аид нам не даст земля. На неё, на землю, нам нужно теперь больше всего уповать – она питает нас живитель-

ной влагой рек и озёр, она даст нам просторы полей и лугов, её леса защитят нас от пагубного сухого ветра. Нужно только всем вместе сойти вниз и начать обустриваться там, под облаками. Эта речь во многих поколебала уверенность. Ещё бы! Когда титаны, которым угрожал недостаток воды, представили себе, что внизу есть водоёмы, из которых можно не только вдоволь брать воду для питья, но куда можно полностью окунуть своё тело, они невольно задумались о том, стоит ли в самом деле покорно дожидаться смерти на горе с готовым вот-вот вскипеть ледником. Речные и сухие пути, способные связать воедино разбросанные по разным горам поселения, также многим будоражили воображение.

Долгое и напряжённое обсуждение заключил мудрый Прометей. Он сказал примерно следующее: «Нам, друзья, представлено два пути, два образа действий. С одной стороны, моему сердцу ближе мой. С другой, – я должен быть с вами честен, – я ничего не могу возразить служителю земли Эпиметею. Давайте же попросим богов, каждый того, которого считает себе ближе, указать нам путь верный». Сход закончился всеобщей молитвой. Люди разошлись в уверенности, что выход непременно будет найден... Что же вы думаете, друзья? Небо услышало нас. Весной, когда мы спускались к земле, чтобы встретить новорожденных титанов, кто-то случайно наткнулся на покрытую цветами кочку в совершенно неожиданном месте – осенью мы не оставили вблизи неё мёртвого тела. Из неё родился младенец, с виду совершенно обычный, но, поскольку родился он не так, как все, внимание к нему было приковано повышенное. Оно оказалось оправданным.

У титанов, так же, как и у людей, новорожденные дети ели и пили мало и только с возрастом начинали постепенно потреблять всё больше пищи и воды. У этого же младенца желудок как будто не рос, а, напротив, всё время уменьшался. Годам к семи он перестал есть и пить вообще. Несмотря на это, он развивался наравне со сверстниками, был весел и до того силён, что уже в

раннем возрасте начал подниматься с нами к леднику, который все эти годы продолжал быстро отступать.

Местами и временами скалы по дороге к леднику начинали дымиться. По всему было видно, что наш конец приближался. Уже очень старый Прометей молился о том, чтобы увидеть, чем разрешатся дела его племени. Можете себе представить, как он возрадовался, когда узнал о чуде этого найдёныша. Верно говорят о сходстве стариков и младенцев: эти двое очень подходили друг другу. Прометей рассказывал о найдёныше на каждом углу с такой нежностью... Он радовался ему как уже немолодой отец радуется запоздалому сыну. Но не забывал Прометей и о делах: не медля, он снова собрал сход и представил совсем юного титана всем собравшимся в доказательство собственной правоты. Но Эпиметей, жрец земли с далёкой вершины, потребовал более весомых свидетельств. «То, что этот юнец не ест и не пьёт, я допускаю, но что от этого нам?» – вопрошал он. Тут бы Прометею проявить немного напористости, но он, будучи верен себе, с небывалым спокойствием подавил в себе восторг и согласился найти более серьёзные доказательства воли богов.

Их появление не заставило себя ждать: всего через несколько месяцев после того, как этот найдёныш стал ходить вместе с нами на гору, мы заметили, что сами едим и пьём всё меньше и тем не менее полны сил. Наш предводитель уже готовился объявить очевидную всем посвящённым волю небес и призвать людей бросить повседневные дела, но нас опередили люди Эпиметей, показав при этом своё истинное лицо. Они, даже не скрываясь, схватили юного титана на улице среди бела дня и убили его несколькими ударами ножа.

Тут же появился сам Эпиметей – он прибыл к нам заранее. Убийство найдёныша было, как оказалось, частью его плана. «Видите, – говорил он, – этот юнец – такой же смертный, как и все мы, он никакой не посланник богов. Не соблазняйте обещаниями Прометей!» «Но в том-то и состоял замысел небес, – возражал ему Прометей,

– чтобы показать нам, что кажущееся невозможным на самом деле возможно для простого, смертного титана!» Увы, народ, ввиду неотвратимо надвигающейся угрозы, большей частью выбрал путь земли. Эпиметей выбил из наших рук самый убедительный аргумент – живого юного титана, через которого нам вещали свою истину боги. Этот необычный найдёныш был последним, чей локон вместе с маленьким детским ледорубом и детскими ледовыми сандалиями был помещён в Мнемосину. Эпиметей увёл титанов из гор.

Из многотысячного поселения нас осталось не больше сотни. Предполагаю, что подобное же произошло и на других вершинах... Сам я этого не видел, но те из нас, кто по осени решил навестить ушедших вниз соплеменников, рассказывали мне, как едва основанное ими равнинное поселение, поглотила земля. Поднимаясь в гору на обратном пути, они вдруг услышали внизу страшный гул. Поскольку они уже вошли в облако, им пришлось спуститься, чтобы посмотреть, что же там случилось. Там, где только что стояли жилища, мастерские, хлева, торчали в разные стороны верхушки деревянных башен. Нескольких чудом спасшихся титанов наши посланники увели с собой на гору... Однако спустя несколько недель горное поселение испытало на себе всю разрушительную силу подземного огня. Земля под нашими ногами стала трястись ежедневно. Самые крепкие башни не выстояли. Многие из нас погибли под завалами. На выживших обрушились в момент растопленные остатки ледника, смешанные с грязью. Мы нашли много обваренных тел. Тут и там прорывались из-под земли зловонные газы. Солнце было уже скрыто от нас облаком пепла. Становилось жарко.

Нас было четверо, прятаясь под уцелевшими ступенями Мнемосины. Её лестница была самой мощной. Может, кто-то и сумел найти ещё какое-нибудь убежище, но выйти искать их мы уже не рискнули, да и вряд ли это имело какой-то смысл. Трое из нас лежали и молились нашему солнцу, и только Прометей молчал и вообще не хо-

тел разговаривать. Впечатление было такое, что он осознал свою ошибку... Наконец, последнее, что я помню... Спине вдруг стало невыносимо горячо. Мы вскочили на ноги. Скала под нами уже не казалась твёрдой. Мы стояли на ней, как на маленьком плоту. Нас покачивало. Вдруг раздался оглушительный треск. Я понял, что мы взлетели вместе с лестницей Мнемосины, а потом, наверное, обо что-то ударился. Таков, друзья, был конец племени титанов.

– Так в чём же, по-твоему, виноват Прометей? – спросил Геракл, вместе со всеми замороженно внимавший Орфею.

– Как я понимаю, – ответил кифаред, – в том, что не смог спасти свой народ при том,

что имел в руках все божественные знаки. Ему не хватило твёрдости противопоставить свой солнечный путь срединному пути Эпиметея. От того-то он и оказался там, где ты его видел.

– Что же стало с самим Эпиметеем и его людьми?

– Их вина, вероятно, не окупится никакой мукой Аида. Думаю, их не удержала твердь даже этого неприютного мира. Я боюсь представить себе, что с ними могло произойти.

– Спасибо тебе, Орфей. Ты ясно показал нам всем, что власть над людскими душами – это не столько благо, сколько большая ответственность.

Редакторский юмор

Американский физик Джордж Тригг (George L. Trigg) в бытность свою редактором журнала «The Physical Review Letters» постоянно, но безуспешно пытался втолковать авторам, что приносимые ими статьи должны быть безупречными не только с научной, но и с грамматической точки зрения. Отчаявшись, он написал и опубликовал в своём журнале (Phys.Rev.Lett., 1979, 42, 12, 748) несколько ехидных советов, которые позже были опубликованы и в вольном русском переводе в газете СО АН СССР «Наука в Сибири».

Заменяя существительные местоимениями, позаботьтесь о правильном его согласовании.

Между нас говоря: падеж местоимения тоже важен.

Если вы хотите использовать глагол, то спрягать его нужно правильно, а не как того захочит автор.

Глагол, кроме того, всегда должны согласовываться в числе с существительными.

Не надо нигде неиспользовать лишних отрицаний.

Плохо зная грамматику, сложные конструкции должны употребляться с осторожностью.

Которые являются придаточными предложениями, составлять надо правильно.

Мы хотим отметить, что менять лицо, от имени которого ведётся изложение, автор этих строк не рекомендует.

Что касается незаконченных предложений.

Автор использующий причастные обороты не должен забывать о пунктуации.

В письмах статьях докладах ставьте запятые при перечислении.

Не используйте запятые, там, где они не нужны. Вводные слова однако следует выделять запятыми.

Ставьте где надо твердый знак или хотя бы апостроф: объём статьи все равно так не экономить. Не сокращайте!

Проверьте в тексте пропущенных слов.

Автор должен усечь насчёт статьи: хочешь не слабо выступить – завязывай с жаргоном.

Если неполные конструкции – плохо.

Маленькое замечание о повторениях, которые иногда встречаются в статьях, которые печатаются и у нас, и за рубежом, которые иногда затуманивают мысль, которую хотел высказать автор, о которых мы и хотели сделать это замечание.

По нашему глубокому убеждению, мы полагаем, что автор, когда он пишет статью, определённо не должен приобретать дурную привычку, заключающуюся в том, чтобы использовать чересчур много ненужных слов, которые в действительности совершенно не являются необходимыми для того, чтобы выразить свою мысль.

Используйте параллельные конструкции не только для уточнения, но и прояснять.

Вотще надеяться, что архаизмы в грамоте будут способствовать пониманию оной.

Метафора – это гвоздь в ботинке, и лучше её выдолбить.

Проверяйте по словарю написание слов.

Неделите не делимое и не соединяйте разное, а кое что пишете через дефис.

Штампам не должно быть места на страницах нашей печати.